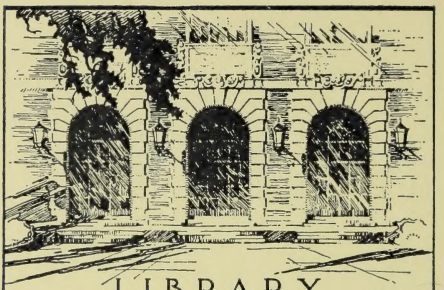
947.04
St2n



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
JAMES BUCHANAN DUKE
COLLECTION OF
RUSSIAN POLITICS

947.04
St2n

Digitized by the Internet Archive
in 2017 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign Alternates

https://archive.org/details/narodnoedvizheni00stan

947 С-76.
20
N 14369.
№ 853

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь".

РУССКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ
(ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ).

В. И. Станишевский.

Народное движение в Смутное время.

Цена 1 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
Советов Р., С., К. и К. депутатов.
МОСКВА—1919.

Типография Т-ва „Русских Ведомостей“, Б. Никитская,
Б. Чернышевский пер., д. № 7.

947.04
St2n

Народное движение в Смутное время.

I.

В январе 1598 г., тому назад лет триста с небольшим, умер московский царь Федор, сын Ивана Грозного. Умер бездетным, не оставив после себя наследника престола. Это, повидимому, не столь значительное обстоятельство, дало толчек разыгравшимся вслед за смертью царя событиям, известным в нашей истории под именем «Смутного времени». Начать с того, что после смерти Федора на московском престоле появился в Москве первый «выборный» царь Борис Годунов. Выбирало его высшее служилое дворянство и духовенство. Борису народная молва приписывала участие во многих неблаговидных делах и преступлениях, а главное—указывала на него, как на единственного виновника убийства царевича Дмитрия, последнего сына Грозного и наследника престола.

Недолго времени спустя, после воцарения Годунова в народе прошел слух, что Дмитрий не убит,—зарезали кого-то другого, подставного мальчика, а царевич—жив и здоров, находится в Польше и теперь собирается с силами, чтобы итти на Москву отнимать отеческий престол у захватчика.

Так началась смута. Человек, называвший себя царевичем Дмитрием, действительно появился сперва на Украйне, а потом и в пределах московских, поддерживаемый поляками и перешедшими на сторону русскими войсками, состоящими большею частью из мелкого служилого люда, недовольного своей жизнью. Борис не дождался победоносного прихода названного Дмитрия в Москву, умер раньше, сраженный известием, что все южные украинские и «польные», как тогда называли, города, перешли со всем военно-служилым населением на сторону Лжедимитрия.

Всего одиннадцать месяцев царствовал на Москве Дмитрий и был убит. На смену ему появляется ненадолго второй выборный царь Василий Шуйский, насильно отстраненный от престола стоявшим под Москвой дворянским ополчением. Но еще до этого события в народе стал ходить слух, что бояре, убившие названного Дмитрия, оплошали, убили не того, кого нужно,

что Дмитрий жив, спасся от смерти и двигается с войском к Москве. На самом деле, новый самозванец не замедлил появиться, собрав вокруг себя все низы тогдашних сословий: крестьян и холопов, поднятых еще раньше холопом «большим воеводой» Болотниковым на южной границе Московского государства. Болотников привлек к себе всех обездоленных, призывая свергнуть бояр и дворян, отнять у них земли, вотчины и поместья, завоевать свободу. Если раньше поляки помогали первому самозванцу, то теперь они еще больше вмешиваются в московскую разруху; отряды польской шляхты (дворянство) пристают к самозванцу, чтобы пограбить и поживиться, пользуясь смутой,—польский король мечтал сам занять московский престол, выдвигая до поры-до времени кандидатом в московские цари своего сына королевича Владислава. Отряды поляков заполняют московское государство, занимают Москву. Боярство и служилое московское дворянство присягают Владиславу, боясь, как бы «чернь» не возвела на царский стол «Тушинского вора», второго самозванца, стоявшего со своими отрядами всего за 10 верст от Москвы, в с. Тушине. Впрочем, тушинский вор в конце 1610 г. был убит, а королевичу Владиславу так и не удалось занять московского престола.

Поляки, занявшие Москву, вели себя в столице, как в завоеванной стране, перерезались с москвичами, сожгли город и заперлись в стенах Кремля и Китай-Города, осажденные казацкими отрядами Заруцкого, кн. Трубецкого и дворянским ополчением под командой Прокофия Ляпунова.

В 1611 г. в Московском государстве царила злая разруха. Западные границы были заняты поляками, овладевшими Смоленском; Новгород захватили шведы, прочившие на московский престол одного из своих королевичей; во Пскове появился третий самозванец, Сидорка; после убийства Ляпунова стало расстраиваться и стоявшее под Москвой дворянское ополчение. В следующем году начинает действовать новое ополчение, набранное в восточной части государства, составленное стараниями нижегородских и иных посадских (торговых) людей из мелкопоместного служилого класса, оставшегося за время смуты не у дел, обедневшего, лишенного поместий и «государева жалованья». Нижегородец Минин и кн. Пожарский двинули эту рать на Москву, где с помощью казаков кн. Трубецкого заняли Китай-Город, принудили поляков, засевших в Кремле, сдаться, взяв их измором. Москва была очищена от поляков, и к началу 1613 г. в столицу стали с'езжаться выборные всей земли для избрания нового царя. Благодаря поддержке мелкого служилого люда и украинного казачества выбранным оказался боярин Михаил Романов.

Таков вкратце общий внешний ход событий смуты, закончившийся избранием нового царя.

Смута захватила все классы тогдашнего общества. Начавшись, повидимому, только благодаря прекращению царской ди-

настии, возбудив сперва в высшем правящем боярском классе династические чаяния, она подняла весь народ Московского государства, создала всеобщую разруху. Очевидно, в жизни народной были серьезные внутренние причины, вызвавшие смятение Русской земли.

Подобно тому, как больные ревматизмом чувствуют подчас перемену погоды, так некоторые прозорливые люди еще задолго до смуты (в половине XVI века) предсказывали, что запустеют села и волости «[illegible] голоды», люди почнуть всяко убывати и земля почнеть пространна быти и людей будет меньши, и тем достальным людям будет на пространной земли жити негде». «Царие на своих степенех царских не возмогут держатися и почасту переменятися почнут».

В царствование Федора Ивановича Москву посетил англичанин Флетчер, оставивший любопытные записки о Московском государстве. Всматриваясь в московские порядки и прислушиваясь к разговорам москвичей, умный англичанин сразу понял, что Москва накануне кризиса, и довольно точно предсказал, какая судьба ожидает Русскую землю в связи с прекращением царского рода.

Само правительство чувствовало, что в государстве не все благополучно, указывая даже в оффициальных актах на некоторые явления, серьезно беспокоившие власть. Особенно ее тревожило «многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и поместиях». Запустение земель, раньше плотно населенных, сильно сказывалось, главным образом в центре и Западной области государства. Оно ослабляло государство, грозило большими осложнениями, тем более, что от него страдали два класса населения, на которых основывалась вся сила государственного механизма: служилые люди и крестьянство. Правительственная власть пыталась бороться с отливом населения из центральных областей, однако, безрезультатно, потому что сама жизнь создала причины, заставившие народ уходить с насиженных мест и вызвавшие сначала этот уход, а потом и общую разруху в государстве.

II.

Во второй половине XVI века закончилось об'единение великорусской народности вокруг Москвы под властью царя и окружавшего его крупного боярства, вышедшего большею частью из бывших удельных князей или холопов московского князя. Создание одного государственного целого поставило перед ним ряд задач, раньше отсутствовавших, и произвело перемены и перегруппировки в различных классах населения.

Москве прежде всего пришлось подумать о надежной охране своих границ, особенно южных и западных. С востока борьба была сравнительно скоро закончена завоеванием Казанского цар-

ства, всего Поволжья до Астрахани, наконец, Сибири, отодвигавшей восточную границу Московии так далеко от центра, что в те времена даже и не знали, где эта граница. С запада напирали на Москву Литва и Польша, оспаривавшие у Москвы власть над такими сравнительно крупными городами, как Смоленск; на северо-западе постоянно угрожала Швеция, граничившая с недавно присоединенными Новгородскими областями. Здесь на западе приходилось вести постоянные более или менее продолжительные войны. На южной границе, проходившей первоначально по Оке и заворачивавшей на юго-запад по Десне и ее притокам, положение было особенно острым. Здесь приходилось постоянно быть на-чеку. Граница соприкасалась со степью, где бродили татары, ежегодно производившие набеги на окраинные города и поселения, чтобы разграбить и увести пленных,—живой товар, особенно ценный в Турции. Татарские нападения носили внезапный, неожиданный характер. Тут не было ни правильной войны, ни миров, ни перемирий,—шла вечная непрерывная война, ежегодно возобновляемая с наступлением весны.

Москва выработала целую систему охраны своих южных границ. От самой Волги по границе тянулись оборонительные линии, черты, состоящие из ряда городов и острогов, обнесенных стенами, большею частью бревенчатыми, с валами и рвом. В лесных местах устраивались засеки,—вырубленные и наваленные деревья, затруднявшие движение конных татар. Таких оборонительных линий, причудливо изломанных, в конце-концов образовалось три, при чем последняя непосредственно соприкасалась с «полем», т.е. со степью (Елец, Курск, Белгород, Воронеж); а самые города назывались «польными» в отличие от более северных (Рязань, Коломна, Венев, Тула и др.), носивших название «украинных».

Существовал и специальный вид разведочной службы,—сторожи и станицы,—подвижные сторожевые посты, выдвигаемые на расстояние 4—5 дней пути от последней оборонительной черты. Последний способ обороны сплошь и рядом шел помимо правительственных забот, вернее,—предупреждал их, потому что население польных городов само выселялось в степь по разным причинам. Лишь с течением времени государство накладывало свою руку на выселившихся и верстало их на «государеву службу». Сторожа обязаны были стоять на указанных местах, «с коней не слезая», чтобы, завидя приближение татар, скакать, сломя голову на следующий сторожевой пост. Там, заметив скачущего, не ждали, пока он под'едет к посту. Один из сторожей вскакивал на готового коня и мчался дальше до третьего поста. Таким своеобразным телеграфом весть о приближении татар довольно быстро доходила до оборонительной линии, где уже успевали приготовиться к приему непрошенных гостей.

Для такой сложной системы обороны границ государству

было необходимо иметь значительные средства, чтобы платить всю массу служилых людей, достигавших, по свидетельствам современников, до 300—400 тысяч.

Какие же средства были в распоряжении тогдашнего Московского правительства?

Не надо забывать, что в те времена достаточного количества денег не было, стоили они очень дорого, раз в 100 дороже, чем в наше время (до войны, [illegible]) в 1½ тысячи раз). Число денег увеличивается только при развитии денежной торговли, чего не было в XV и начале XVI столетия. Торговля тогда только начинала еще развиваться. Большинство населения не нуждалось в привозных товарах, обходясь тем, что само производило себе. Семья, сидевшая на земле, не нуждалась в покупке товаров со стороны. Хлеб она сеяла сама; да и не только хлеб, в ней [illegible] для ее потребления. Одежду [illegible] в среде крестьянской семьи, [illegible], и в этом отношении они не нуждались в привозных товарах. [illegible] натуральное хозяйство, мало [illegible] на сторону [illegible], не продавая своих продуктов. Богатство состояло из того, что производила земля, из того, что давали промыслы, т. е. хлеба, скота, рыбы, мяса, меда, воска и т. п. Значит, богатым мог считаться тот, кто владел большим количеством земли — озерами, реками и лесом. Этот единственный для того времени капитал и находился в распоряжении московских государей, приобретших разными способами обширные земли, как пустые, населенные крестьянами, так и пустоши. Необходимо было пустить этот капитал в оборот, держать с его помощью всю массу необходимых для государства служилых людей.

Всякий служилый человек получал в качестве жалованья определенный кусок земли, поместье, с правом пользоваться им до тех пор, пока служит. По самому характеру службы помещик, т. е. служилый человек, не мог сам заниматься земледелием. Для этого у него, несущего ратную службу, не было времени. Следовательно, поместья надо было раздавать с таким расчетом, чтобы они не лежали впусте, а обрабатывались живущими на них крестьянами. С развитием в XVI веке поместной системы крестьянство, до того времени совершенно свободное, попадает в зависимость к служилому классу. Зависимость эта, [illegible] к [illegible] праву, началась с того, что крестьянину почти всегда приходилось прибегать к помощи более богатых и сильных людей, чтобы вести хозяйство. Земледельцу нужны были орудия, скот, семена для посева, а когда их не было, ему приходилось занимать все это у помещика или боярина. Получив ссуду, крестьянин почти никогда не мог [illegible], потому что помещик требовал слишком много разных оброков, как бы крестьяне ни

пользование помещичьей землей, и барщина, работа на барском поле, представлявшая из себя проценты за полученную ссуду. Крестьянин, таким образом, был обязан своим трудом кормить и содержать помещика с его семьей в то время, пока тот занят обороной границ.

Раздача земель в поместья началась с центра, а затем уже перешла на окраинные области, сообразно с тем, где и как приходилось нести службу помещику. Не коснулась она только Севера и Беломорья, потому что там, вдали от опасных границ, раздавать земли не представлялось возможным. Помещик, получивший участок на дальнем севере, не в состоянии был бы извлекать из него пользу, всегда оторванный службой от своего поместья на сотни верст.

По закону всякому помещику следовало нарезать определенный оклад в 150 десятин, за что он был обязан являться «на коне и в доспехе полном». На практике нарезанные поместья часто не достигали нормы оклада, потому что у правительства нехватало удобных для раздачи земель.

Хозяйство на помещичьих землях шло спустя рукава, чему не мало способствовал самый характер поместного пользования землей. Получив участок во временное пользование, несмотря на дававшуюся 4-летнюю льготу («тархан»), за время которой не взималось никаких государевых податей, помещик думал не об устройстве хозяйства, а о том, чтобы извлечь с полученной земли и сидевших на ней крестьян как можно больше пользы. Делать это заставляла помещика неуверенность в правах владения: сегодня—земля моя, а завтра—ее отберут по каким-либо государственным соображениям. Стоит ли работать, заводить улучшения, если все достанется не мне и не моим детям, а кому-то другому. Вот почему хозяйство на помещичьих землях распадалось,—служилый люд беднел, не в состоянии был нести свою службу, окончательно бросал поместье, шел к более богатому сторожить у него городской двор, поступал в «дворники», пристраивался дьячком в церкви или уходил в казаки, на простор, в дикое поле на Дон, где не надо было нести никакой службы, где можно было пограбить и своих, и чужих, соединившись «станицами» с такими же, как сам, вольными «гулящими» людьми, казаками.

Можно себе представить, сколько было людей, разоренных самой системой поместного землепользования, приняв во внимание, что и оклады часто доходили всего до 20—30 десятин в трех полях. К числу недовольных и разоренных самой системой нужно прибавить еще всех тех, кого так или иначе коснулась опричнина Ивана Грозного. Этот царь во всем, а особенно в боярстве видел крамолу, и с его точки зрения—не без основания. Высший слой Московского государства, бояре, состоял из членов, происходивших от самостоятельных прежде удельных княжеских родов, считавших себя по «отечеству» не только не

ниже царей московский, а подчас даже и выше. Этот класс, лишившись политической самостоятельности, сохранил за собой привычки высшего сословия, прежде всего—привычку властвовать и управлять. Сам государь московский не мог представить себя иначе, как окруженным этим сословием, издавая законы не самостоятельно, а с «бояры». Бояре считали себя естественными помощниками царя в управлении страной, тогда как царь видел в них только «холопов государевых», в смерти и животе которых только государь волен. Желание видеть вокруг себя сотрудников, не перечивших самодержавной царской воле, зависимых только от государя, а не от княжеского происхождения, и побудило царя Ивана к созданию опричнины. Царь с особым рвением принялся за дело, окружил себя людьми незнатными, но зато способными на все по первому царскому слову. У Грозного было стремление создать, с одной стороны, вполне зависимых от него чиновников, с другой—полицейских или жандармов, выслеживающих и пресекающих «крамолу». На знатное боярство посыпались казни и опалы, боярские вотчины отбирались в казну. Кроме того, на содержание опричнины было выделено до 20 городов с уездами и несколько волостей; туда сажали опричников, раздавая им поместья, а прежние землевладельцы были выведены из своих мест и поселены в других неопричных уездах.

Направленная против боярства опричнина тяжко отозвалась на всем обществе. Трудно даже представить себе картину выселения целого города, предназначенного для заселения опричниками. Люди простые, малоземельные в конец разорялись от таких переселений. Опричники пьяной ватагой врывались во дворы и усадьбы, чинили насилие за насильем над ни в чем неповинными людьми, имевшими несчастье жить в местах, предназначенных для опричины. Дворовые люди, если не гибли вместе с опальным боярином, обрекались на голодную смерть, так как им иногда запрещалось поступать на службу к другим лицам. Обиженным, разоренным, разграбленным и обреченным на голодное существование не оставалось ничего другого, как уходить на «украины» и на «поле», чтобы там устроить свою жизнь вдали от правительственного воздействия.

Впрочем, опричнина была одной из случайных причин, разорявших население. Главное заключалось в поместном землепользовании,—системе, покоящейся, как мы видели, на основах натурального хозяйства. Если раздача земель в поместье не приносила пользы мелкому служилому люду, способствовала его разорению, то в гораздо большей степени она вредно отражалась на крестьянстве, сидевшем на поместных землях. Уже благодаря одному тому, что помещик был мало заинтересован в ведении хозяйства на временно полученном участке, крестьянину приходилось много терпеть от тех грабительских способов, какими служилый дворянин извлекал пользу со своей зе-

или. Помещики иногда в конец грабили крестьян, изредка наезжая в свои усадьбы. Еще хуже бывало, когда поместье неожиданно переходило от одного городового дворянина, «сына боярского», как тогда называли,—к другому. Крестьянин успел уже заплатить все повинности прежнему владельцу, а новый знать того не хочет и опять требует платежей.

Не лучше велось хозяйство и на огромных монастырских землях, несмотря на то, что монастырское землевладение получало от московских государей большие льготы. Система хозяйства на этих землях была та же, что и в остальном государстве: монастыри раздавали участки на поместном праве.

Так распространение поместной системы несло за собой крестьянское разорение, а вслед за ним и опустение земель там, где поместное землепользование укрепилось больше всего, т. е. в центре Московского государства. Землевладельцы, видя опустение своих сел и деревень, стараются всеми средствами удержать на местах уходящее крестьянство, подкупая его раздачей новых ссуд в их поместье, стараясь закабалить, закрепить крестьянина за собой. Крупные землевладельцы, бояре, увозят к себе по возможности больше крестьян на осенний Юрьев день, когда был разрешен пахарю переход от одного владельца к другому. Боярин переманивал у мелких помещиков крестьян, платя за них долги и тем наносил еще больший удар и без того расстроенному мелкопоместному землевладению. Немудрено, что мелкое служилое дворянство было настроено враждебно к боярам, считая их виновниками своего разорения.

Увеличение служилого класса вредно отразилось и на населении всех украинных и польных городов. Здесь первоначально оседали все недовольные элементы, выгнанные из насиженных мест хозяйственной разрухой и своим разорением, сюда же стремились беглые холопы, ища выхода из барского самодурства. Все они в городах обычно пристраивались к какому-нибудь торговому делу, становились в ряды посадского, торгового населения. Поток служилых людей, посылаемый государством в украинные города-крепости в целях обороны границ, и тут сбил с мест прежнее посадское население. Служилый класс,—все государевы пушкари, стрельцы, ездоки и затинщики, селясь в городах, не несли обычного посадского тягла, не платили государевой подати, если даже открывали на городских рынках постоянную торговлю. Помимо этого, каждый помещик имел в городе свой дом и усадьбу, необходимые ему на случай вторжения неприятеля и осады города. В обычное время служилый дворянин не жил в своем городском доме, отдавая его в аренду или оставляя под охрану «дворнику». «Дворники» занимали положение, избавлявшее их от платежа каких бы то ни было повинностей в пользу государства. Они числились холопами своего хозяина, хотя сплошь и рядом были людьми свободными, и таким способом освобождались от платежей, обогащаясь за счет коренного посадского на-

селения, принужденного нести «государево тягло». Вышедшее из сел и деревень, отданных государевым служилым людям—помещикам, тяглое население, осев в украинных городах, и здесь не могло жить спокойно, вытесняемое с городских рынков и усадеб вторжением служилого элемента. Естественно, что оно чувствовало себя гонимым и угнетенным, питая недовольство не только против землевладельцев, своих исконных врагов, но и против государства вообще.

Мелкий служилый люд, осевший в украинных и польных городах,—все эти пушкари, стрельцы и др.,—тоже не имел причин быть особенно довольным правительством. Состояли они по большей части из тех же беглых крестьян и холопов, как и вытесняемое ими, пришедшее раньше их, коренное посадское население, с той лишь разницей, что государство привлекло их мало-по-малу на свою службу, возложив на них защиту укреплений. Привлекались они не только к ратным трудам, но и к обязательному земледелию. Правительство, нарезая им близ пограничных городов участки, требовало, чтобы мелкий люд обрабатывал так-называемую «десятинную пашню», урожай с которой высылался обычно в самые отдаленные острожки, расположенные на крайних границах государства. Таким образом, беглый крестьянин, едва избавившийся от всех тягот пахаря, снова попадал в тяжелые условия, при чем труд земледельца теперь становился еще более тяжелым, благодаря обязанности защищать город.

Ко всем неустройствам, связанным в народном хозяйстве с широким распространением поместного землепользования и увеличением служилого класса, надо прибавить еще и перелом в самом хозяйстве, способствовавший ухудшению судьбы народных масс. С начала XVI столетия, а особенно со второй его половины, в жизнь народную начинает проникать новая струя—деньги. Как было уже сказано, деньги и денежное хозяйство неразрывно связаны с торговлей, потому что каждый относит часть продуктов своего труда на рынок, продает его и превращает, таким образом, в деньги, для того, чтобы на них в свою очередь купить то, что необходимо для его собственного потребления. До XVI века на Руси торговля, как внутренняя, так и внешняя, т. е. торговля с заграничными государствами, была слабо развита. Только Новгород вел торговые сношения с Западной Европой, но после падения новгородской самостоятельности торговля эта сильно пошатнулась, а во второй половине XVI в. должна была уступить новому торговому центру на беломорском побережьи, где были завязаны сношения с Англией. Образовался оживленный торговый путь от Москвы к Архангельску через Ярославль, Вологду и Холмогоры, ставшие значительными торговыми центрами.

С этого времени и замечается постепенное проникновение денег в народную среду. Один факт, что ценность денег пони-

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY

зилась в течение XVI стол. вчетверо. доказывает их приток в народные массы. Очевидно, число денег увеличилось, если ценность рубля упала с 94 руб. на наши деньги (до войны) до 25 руб. Следствием такого распространения денег было то, что государство многие повинности, исполнявшиеся раньше населением натурой, переложило на деньги. Землевладельцы теперь стараются получить оброки со своих крестьян не натурой, а деньгами.

Раньше крестьянин большинство платежей производил натурой, теперь у него прибавилась еще забота—достать денег. Для этого необходимо было ехать на рынок, продавать хлеб или пушину, словом, к прежним трудам прибавился еще один новый, связанный со сбытом продуктов. Если припомнить, что крестьянство, особенно в центре, на помещичьих и монастырских землях, и так было разорено и задолжено, то развитие денежного хозяйства, очевидно, еще более способствовало ухудшению его положения.

Ко всем бедам, создавшим для многих невыносимое положение, почти перед самым началом смуты присоединился еще и голод, вызванный неурожаем. Крупные землевладельцы, имевшие хлебные запасы, не преминули воспользоваться народным бедствием, чтобы спекуляцией увеличить свою казну. Архимандриты, игумены монастырей, управители архиерейских вотчин, даже сами бояре Строгоновы занялись «вязкой» хлеба на рынках. Цены на хлеб искусственно вздувались, а мероприятия царя Бориса Годунова, приказавшего выдавать хлеб из царских житниц, не достигали цели, потому что предназначавшийся к раздаче хлеб редко полностью доходил по назначению, прилипая в огромном количестве к рукам раздатчиков. В начале царствования Бориса современники насчитали более 25 тысяч крестьян и холопов, ушедших от голода на украины. Холопов ушло особенно много, потому что их господа, не желая кормить голодные рты, распустили свои дворни на все четыре стороны. По большим дорогам появились шайки, грабившие проезжих, а шайка атамана Хлопка дерзко грабила не только «по пустым местом», а даже близ самой Москвы.

Таково было в общих чертах внутреннее положение Московского государства перед началом смуты. Кажется, не было класса, довольного положением вещей в государстве. Остатки родовитого боярства, уцелевшего от разгрома опричнины, были недовольны тем, что царь Борис, неродовитый и незнатный, склонен был проводить политику Ивана Грозного—не давать воли боярам, а в последние годы воскресил даже времена Грозного казнями и опалами. Служилое сословие, особенно мелкое, разорялось, само способствуя своему разорению хищническим хозяйством на данных ему во временное пользование поместьях, приписывая, впрочем, свое разорение крупным землевладельцам—боярам и монастырям, переманивавшим крестьян.

Вместе с разорением служилого класса разорялось и крестьянство, частью прикрепленное к землевладельцам неоплатными долгами, частью обездоленное, будучи ограблено своими помещиками, постепенно в большое затруднение развития денежного хозяйства.

Страдало и посадское население южных городов, вытесняемое оттуда мелким служилым классом. У холопов, разумеется, не было особых причин для довольства своим положением, тем более, что и холопство, так-называемое «кабальное», развилось в XVI ст., очевидно, в связи с общей хозяйственной разрухой в государстве, а, следовательно, в холопы шли те же элементы обездоленного крестьянства и мелкого служилого люда, которые были затронуты этой разрухой.

Все недовольное существующими порядками и приняло непосредственное участие в смуте.

III.

Все обездоленные и недовольные, как было сказано, уходили главным образом на юг в «поле» и на Дон, в казаки или оседали, не всегда с выгодой для себя, в украинных городах. Немудрено, что первый самозванец начал военные действия против Бориса именно с юга, заняв сперва лежащие по Десне «северские» города (Моравск, Чернигов), а затем, двинувшись дальше. Все приставшее к самозванцу население северских городов, Украйны и Дона в этом первом выступлении не проявило в достаточной степени своих внутренних побуждений, заставивших их бунтовать. По крайней мере до нас не дошло от того времени документов, которые бы ясно показали внутренние причины, вовлекшие население в смуту. Получается картина, как-будто все восстали, заботясь о восстановлении на Москве истинного царя. Положение сразу резко изменилось, когда во всех этих областях узнали о смерти самозванца, недавно посаженного на престол силами южного населения.

Царь Василий Шуйский, занявший престол после самозванца, был в полном смысле слова—боярский царь, ставленник той кучки бояр, которая вела свой род от старинных удельных князей—Рюриковичей и литовских Гедиминовичей. Шуйский подчеркивает аристократический характер своего избрания на царство, указывая в грамоте-манифесте, что он «за помочию Бога принял скифетр Российского царствия по прародительской нашей царской степени и по моленью». Этим он хочет сказать, что занять престол для него вполне естественно и законно, как для прямого потомка тех самых князей, от которых произошли и прежние цари московские.

Однако, население держалось другого мнения. Вслед за воцарением Шуйского на царство от Москвы сейчас же отпали северские города и «поле», потом к ним присоединились

вался грузинам, поворачивая в татарских. [illegible] распространилось до Волги, коренные ее, перекинулось на Каму, Вятку и в Пермский край, захватило крайний юго-восток — Астрахань, отозвалось и на западе — во Пскове. Но главный центр восстания находился на юге — в Украйне. Здесь в восстании принимают те же люди, что и при первом Самозванце. Путивль — главная квартира [illegible] — и теперь становится центром движения. Путивльский [illegible] Шаховской принимает начальство над восставшими; вскоре же уступает свои действия в [illegible] большой воеводе Болотникове. По своим [illegible] [illegible], чем они [illegible] [illegible] [illegible] (недавно [illegible]) [illegible] [illegible].

В движении этом выразились теперь собственно интересы восставших. [illegible] теперь хотят [illegible] Москвы, а [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] патриарха Гермогена, к социальному перевороту, возбуждая к действиям против всех господствующих классов. Болотников советовал решительно избавиться от бояр и воевод, избить их с женами и детьми, а вотчины и поместья захватить себе; ту же участь сулит он и торговым людям, — самих их побить, а «животы их грабити». Призыв Болотникова не остался без ответа в народных массах, издавна ненавидевших своих былых насильников. «Собрахуся, — пишет летописец, — боярские люди и крестьяне, с ними же приставаху украинские посадские люди и стрельцы, и казаки и начаша по городам воевод имати и сажати по темницам, бояр же своих домы разоряху и животы грабляху, жен же их и детей позоряху и за себя имаху».

Болотников, судя по дошедшим о нем до нас скудным сведениям, имел в виду коренную ломку общественного строя, направленную к благу широких демократических масс. Немногочисленные источники, оставленные нам, написаны лицами, враждебными Болотникову, представителями крупного духовенства, связанного интересами с боярами и дворянами, так что трудно судить, что предполагал создать Болотников вместо старого строя. Кроме ломки старого, естественного протеста народа против угнетателей, не видно, по этим источникам, была ли у Болотникова мысль о коренном переустройстве [illegible] общества. Такое заключение, по крайней мере, можно вывести из сообщения патриарха Гермогена, где он говорит, что Болотников в своих грамотах призывал к себе и хотел им давать «боярство и воеводство, и окольничество, и дьячество».

К восставшим постепенно и [illegible] городам скоро примкнули Рязань и Украйна, собрав ополчение, состоявшее как из худородных людей боярских, так и [illegible] [illegible]-

ных дворян выборных. Первые были собраны Истомой Пашковым, вторые—Прокопием Ляпуновым и Сумбуловым. И те и другие имели свои причины быть недовольными боярским царем Шуйским.

С помощью украинского и северского дворянства был посажен на престол первый Самозванец, не оставивший без награды тех, кто его поддерживал. Служилые люди получили от Лжедмитрия земли и деньги и с воцарением бояр сходили с их стороны силы и мести. Вообще они не могли сочувствовать возвышению боярства, перехватывавшего крестьянские рабочие руки с мелких имений. Значит, мелкий служилый класс не мог ждать охраны своих интересов со стороны боярского правительства. Что касается верхнего слоя провинциального дворянства, дворян «выборных», то и у них был специальный повод к недовольству на отношение боярской реакционной группы восстановить порядок, бывший до Грозного, когда служебное положение человека определялось не личными достоинствами и верностью царю, а его родословной. В силу родословного принципа служилый человек никогда не мог достичь высших ступеней по службе, если происходил из провинциального дворянства менее знатного, чем московское. Грозный пытался ломать такой порядок, ему подражал и царь Борис. У провинциального дворянства были все основания бояться, что при боярском ставленнике В. Шуйском старые порядки повышений по службе, связанные с «отечеством», снова будут проведены в жизнь. Эта чисто-политическая вражда и заставила сторонников Ляпунова и Сумбулова взяться за оружие против царя Василия.

Восставшие приближались к Москве двумя дорогами. Болотников скоро захватил Серпухов, а рязанские дружины взяли Коломну и совсем близко подошли к столице, соединившись с болотниковской ратью в с. Коломенском. С юга на помощь восставшим двигались донские дружины, так сказать, второсортного самозванца, царевича Петра, выдававшего себя за какого-то никогда не существовавшего сына Ивана Грозного. Движение этого самозванца возникло еще при первом Лжедимитрии на далеком Тереке. Казацкие станицы, расположенные там для обороны отдаленной границы, одно время оказались брошенными московским правительством на произвол судьбы. Обычно правительство присылало им из Астрахани «кормы», а в этот раз почему-то случилось, что подвоз хлеба и других продуктов прекратился. Изголодавшиеся казаки после тщетных просьб к астраханскому воеводе решили отправиться на Волгу пограбить караваны купцов, проходивших и плывших там, кто попадался навстречу. Дух самозванства витал над страной, и для успеха предприятия нужно было обзавестись царским сыном. Любопытно, что Лжедмитрий, когда уже на престоле, узнав о царевиче Петре, послал ему грамоту с приглашением немедленно прибыть в Москву. Царевич Петр и двинулся было вверх по Волге, но, узнав по

дороге, о смерти самозванца, вернулся обратно на Дон, где к нему быстро стали примыкать отряды казаков. И когда впоследствии Болотников соединился с царевичем Петром в Туле, у них было до 30 тысяч войска.

Положение царя Василия в Москве оказалось критическим. Чувствовалось, что выхода нет. Войск в Москве не было. Московская «чернь» волновалась, в душе стоя на стороне восставших. Столицу об'ял великий страх и смятение. Рассказывали про чудесное видение какого-то неведомого старца, предрекавшего гибель городу «за их лукавые нравы, за то, что несть истины во царе же и патриарсе, ни во всем священном чину, ни во всем народе». Был назначен покаянный пост на целую неделю. Этому посту и великому молению впоследствии и приписывали чудесное избавление Москвы от восставших. Дело, однако, об'ясняется гораздо проще.

Мы уже видели, из каких в сущности глубоко разнородных элементов состояло войско мятежников. Если у Болотникова и его сторонников было стремление произвести коренную социальную ломку, истребить классы, руководящие политической и экономической жизнью в государстве, то у служилых дружин украинных и рязанских движение поддерживалось исключительно личными побуждениями, не затрагивавшими общественного строя. За месяц совместной стоянки под Москвой мятежники успели распознать друг друга, и дворянство убедилось, что оно находится в союзе со своим исконным социальным врагом, крестьянством и холопами. Первым изменил делу революции Ляпунов с верхним слоем провинциального дворянства. Забыв политическую вражду перед опасностью коренного общественного переустройства, верхние слои служилого дворянства бросили революционные отряды Болотникова и перешли на сторону царя Василия, принеся ему повинную. Дольше держались отряды Истомы Пашкова, набранные из мелкого служилого люда. Они колеблются, остановились на перепутьи,—по своему положению экономическому, обедневшие и полуразоренные, они связаны с отрядами Болотникова, по характеру службы и системе землепользования—с охранительной, контр-революционной частью сильного дворянства. Колебание длилось все время, и только в самый решительный момент, когда 2-го декабря 1606 г. царские отряды, прибывшие на Москву с севера, вступили в битву с мятежниками, Истома Пашков изменил Болотникову. Революционное войско было дважды разбито и отступило к Калуге. Из всех восставших только один Болотников не бил государю челом, не просил помилования, подчеркнув этим, что он вступил на путь *открытого междуусобия*, восстал *за землю и волю*.

После недолгого сидения в Калуге Болотников отошел к Туле, где собрались все революционные отряды царевича Петра, кн. Шаховского и кн. Телятьевского. В начале 1607 года цар-

ские войска осадили Тулу, предварительно приведя в подчинение все более мелкие восставшие города Украины. Шуйский произвел жестокую экзекуцию в восставших местностях. Находившимся в войсках царя инородческим отрядам, составленным из татар и черемисов, «велено украинских и северских городов всяких людей воевать и в полон имать, и животы их грабить». От узаконенного царем грабежа освобождались только те, кто имел особые охранительные царские грамоты, выдаваемые главным образом помещикам указанных земель. Целая треть государства была отдана на законное разграбление. Тысячи пленных осуждались на казнь. Правительство праздновало победу: царь велел всех пленных, захваченных после поражения Болотникова под Москвой, «сажать в воду», попросту топить. Больше года,—по словам очевидцев,—«воров в воду сажали» и в Москва-реке, и на Волхове, близ Новгорода. Казни, сыпавшиеся на восставших, придавали им мужество отчаяния. Осажденные под Тулой, они мужественно защищались, предпочитая умереть, а не сдаваться. В случае поражений садились на бочки с порохом, зажигали их под собой, взрывали сами себя, боясь плена пуще смерти.

Долго длилась бы осада Тулы, снабженной прекрасными каменными стенами, если бы одному из одаренных служилых людей царской рати Кровкову не пришла в голову мысль взять город «хитростью». По его совету была сооружена плотина на р. Упе; река поднялась из берегов и затопила город. Защитники крепости сдались, выдав своих вожаков, и присягнули на имя царя Василия.

Так закончилось первое выступление народных масс, окрашенное более или менее определенными общественными стремлениями, выраженными в грамотах Болотникова, к сожалению, до нас не дошедших. После взятия Тулы главный вождь восстания Болотников исчез бесследно, «царевич» Петр был повешен в Москве, а кн. Шаховской сослан в дальний северный монастырь, где и пострижен в монахи. Царь Василий проявил, будто бы к Тульским сидельцам «безгневное пастырство», отпустив их восвояси. Известно, однако, что московские тюрьмы были заполнены, «безгневный пастырь» по-прежнему «сажал в воду» сдавшихся ему изменников. Многие холопы после розыска отданы были старым господам, об'явлена была выдача всех сидевших по тюрьмам на-поруки. Кто только мог, стремился воспользоваться [illegible], и на-поруки [illegible] «сидельцы» выходили массами. Все, так или иначе освобождавшиеся из плена, снова бежали на юг и там присоединялись к поднявшему восстание второму самозванцу.

IV.

Когда еще царь Василий осаждал Тулу, в Стародубе появился второй Лжедимитрий. Снова масса растет, как снежный ком, охватывая те же южные северские и польские го-

рода. Если первый самозванец, определенно выставлял прежде всего свои династические требования, умел так или иначе поддерживать порядок среди собранных им отрядов, то второй — игрушка всецело в руках своих сторонников, насильно вовлеченный в самозванческое брожение. Еще Болотников выступил от имени самозванца, когда о нем не было и помину. Самозванство вообще стало формой народного движения. Во всех углах тогдашней Руси, затронутых смутой, появлялись самозванцы: царевич Август, князь Иван, царевич Лаврентий, второй царевич Петр, царевичи Савелий, Симеон, Василий, Ерошка, Гаврилка, Мартынка, наконец, Сидорка. Словно сама земля рождала самозванных царевичей. Все они не играли существенной роли, исчезали так же быстро, как и появлялись. Только на долю второго самозванца, названного впоследствии «Тушинским вором», выпала роль заметная и длительная.

К «вору» присоединяется пестрый, разношерстный люд, влекомый разными побуждениями. Состав его рати самый разнообразный. Сюда примкнула шляхта (дворянство) из Речи Посполитой, недовольная внешней политикой польского короля Сигизмунда III, стеснявшего «златую вольность» шляхты. Такие, как Лисовский, были беглецами из Польши, — искатели приключений, легкого богатства и добычи, — из среды их выходили, напр., и отряд Сапеги, набранный и приведенный к самозванцу с ведома польского короля. Тут же были и [illegible], и атаман Заруцкий, пришедшие, будто бы, прямо из Тульской осады, запорожцы и донцы, а главным образом, — крестьяне, холопы, посадские низы — все беглое и обездоленное, не успевшее по разным причинам принять участие в движении Болотникова.

Покончив с Тулой, царь Василий рано стал праздновать победу, оставив без внимания начинавшееся на юге брожение. Тушинский вор быстро подошел к Москве, обложив ее со всех сторон, сам стал всего в 10 верстах от столицы, постоянно грозя ее нападениями со стороны Ходынского поля. Снова Москва жила в страхе. К страху скоро прибавился и голод, потому что хлеботорговцы в осажденной Москве снова, как при царе Борисе, устраивали «стачку» с хлебом, вздув цену с помощью спекуляции в 24 раза дороже обычной цены, несмотря на таксу, введенную царем. Столица все время находилась под угрозой междоусобия. «С криком и шумом» шел московский народ к царю, заявляя: «до чего нам досидеть, хлеб дорогой, а промыслов никаких нет и ничего взять негде и купить нечем». Впрочем, торговые московские люди сумели и во время осады извлекать пользу: они тайно торговали с тушинцами, чем можно, особенно порохом. Удивительное двоедушие царило в середине тогдашних посадских и служилых московских людей, а особенно среди крупного дворянства и духовенства. Они не оставляли Шуйского, но втайне радовались его неудачам; многие находились в постоянных сношениях с тушинцами, и не только простые «ла-

[illegible], но и целые [illegible], как кн. [illegible] или [illegible] дворянский, верный [illegible] и [illegible].

[illegible] в Тушине из Москвы служилых людей. Служилое дворянство, [illegible] разрушенных рыцарством с его [illegible] и [illegible], слова во [illegible] рода [illegible]. Да и вообще смута в последний период [illegible] тушинского вора принимает все более дворянский характер. Как было сказано, политические [illegible]. Они [illegible] в смуте, прежде всего, [illegible]. [illegible] Тушинский вор, [illegible] города и земли на севере, раздает их в поместья и вотчины своим сподвижникам. Чувствуется [illegible] мысль служилого человека закрепить поместье за собой в вечное владение, что [illegible] и [illegible] удельному [illegible]. Тушинский вор,—пишет он,—[illegible] города [illegible], как и прежде [illegible] удельные [illegible].

Хозяйничанье тушинцев на севере Руси, как во вражеской стране, вызвало сильный и серьезный отпор со стороны крестьян и [illegible] населения севера. Хозяйственная разруха центра и [illegible] Московского государства [illegible] не коснулась северного Заволжья, земель по северной Двине и Поморья. Здесь никогда не было поместного землевладения, [illegible]. Основным [illegible] государственного [illegible] было [illegible] и [illegible], далекие от всякого [illegible], [illegible] и [illegible]. Северное [illegible] первым [illegible],—против Тушинского вора за царя Василия.

Этот [illegible] и поддержал Шуйского, сначала самостоятельно вступив в борьбу с тушинцами, а потом, собравшись под начальством племянника царя, Михаила Скопина-Шуйского, разбил и уничтожил отряды [illegible], правда, [illegible] поляков. То же [illegible] северное [illegible] и в [illegible], [illegible] Мининым и Пожарским и [illegible] Польши.

В народном движении особенно заметно наступает перелом, когда в дело смуты вмешиваются поляки, завладевшие Москвой. В этом переломе сыграло заметную роль и национальное чувство, оскорбленное иноземцами—поляками, национальное самолюбие; однако, следует иметь в виду, что призыв к борьбе с поляками был связан и с тем, к чему народ стремился раньше в своих [illegible] выступлениях. [illegible] обещает всем волю и жалованье, рассылая свои грамоты [illegible], к воеводам и во всем людям и на Волгу и по Заволжским речкам и

атаманам, и казакам, чтобы им всем стать за веру крестьянскую общим советом». Казакам предлагается жалованье, порох и свинец, «а которые боярские люди (холопы) и крепостные и старинные и те бы шли без сумнения и боязни: всем им воля и жалованье, как и иным казакам».

Так общественная борьба низов тогдашнего общества «за землю и волю» была превращена в борьбу «за веру и отечество». А когда она закончилась, народные массы были обмануты в своих ожиданиях, потому что не получили ни воли, ни жалованья. Как и следовало ожидать, смута закончилась победой более организованного класса, каким являлось только-что народившееся, но уже имевшее известные навыки и силу, мелко-служилое дворянство.

Издательство Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Сов. Р., С., К. и К. Депутатов.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
947.04 ST2N C001
Narodnoe dvizhenie v Smutnoe vremia; /
3 0112 094687511